

мадам Любви Аксельрод, хотя и в «боевом» наряде.

Меньше приходится сказать, собственно, о поэтической форме «Царя Андрона». Буду тут говорить просто с точки зрения рядового читателя. Слишком уж Демьян Бедный вдаётся здесь в тягуче-широковещательную, почти прозаическую речь стародедовских притчей и причитаний. Почти лишь одна рифма на конце стихов напоминает о том, что это поэт писал, и притом—какой подчас, бывало, звучный, какой умелый в перезвоне русской речи! Конечно, хороши иногда бывают стихотворные демьяновские «передовицы» и «ноты», но на многих страницах это, в конце-концов, утомляет.

Хорош, стилин в своем роде «Андрон», даже для массового читателя во многом поучителен. Но все же лучше Демьяновы басни, острые, сносшибательные. Или вот этот боевой марш красноармейцев, что начинается словами:

Левой, правой, левой, правой,
Через горы и леса.
Иль погибнем мы со славой,
Иль покажем чудеса!..

А. Дивильковский.

В. КОРОЛЕНКО. История моего современника. Т. III. Изд. «Задруга», Москва.

Третий том «Истории моего современника» читается с таким же интересом, как и прежде вышедшие тома.

Книга начинается описанием жизни Короленко в лесной глуши березовых Починок. Здесь, на крайнем севере Вятской губ., где не знают телег «за полным отсутствием летних проезжих дорог», перед Короленко прошла обнаженная зоологическая правда жизни наиболее темных слоев крестьянства. Он поселился в той избе, где хозяин-мужик Гавря четыре раза сбрасывал свою жену Лукерью «через брус», т.-е. с полатей на пол.

Никакого общего языка с починковцами у Короленко не было: всякие разговоры о царе и власти могли их интересовать, как сказка. Здесь люди, в самом подлинном смысле, жили «без понятия о правде, о Боге». И не Достоевский с его

идеализацией крестьянской религиозности, а Белинский мог бы найти твердое обоснование своему утверждению (в письме к Гоголю), что русский народ по существу глубоко атеистический народ.

Но никто из них не является правым, ибо обширна Россия и велико многообразие степеней морального и культурного развития крестьянской массы. Короленко признает, что у других крестьян (т.-е. крестьян юга и центра России) много церковных суеверий, но в общем «их мир богаче и сложнее мира починковцев». Короленко видел, что «в этом лесном углу никакой в сущности религии не было». Одна баба насчет бессмертия заявила ему категорически: «я чаю, хлопает попзря». — А по-твоему как же?—спросил Короленко с любопытством.—«Пал да пропал,—больше ничего», сказала она удивительно просто. Но этот нигилизм великолепно уживался с верой в лешего, ворующего рыбу в реке, в колдунов и русалок, в огненного змия и в «лихоматку», которая в каком-то странном образе ходит по свету. Все эти страницы у Короленко яркие и захватывающе интересны. Именно здесь, в этом лесном углу, Короленко исцелился от романтического представления о крестьянской массе. Эта черта—говорит писатель—была присуща «не мне одному, а всему моему поколению... мы создавали предвзятые общие представления, сквозь призму которых рассматривали действительность».

Портреты починковских ссыльных—живые: рабочий Федор Лазарев, Карл Несецкий и в особенности Федор Богдан. Печально, надтреснутым голосом Несецкий поведал ему о том, как он потерял своего ребенка, благодаря подлому самодурству исправника. Память об этом человеке сохранилась у писателя, как одно из трогательных воспоминаний молодости.

Но, быть-может, самая интересная глава третьего тома, это история похождения Федора Богдана: его путешествие к царю в качестве ходока с жалобой на помещика. За свою наивную веру в царя Федор Богдан и попал, в конце-концов, в ссылку. Короленко передает о впечатлении крестьян-слушателей от рассказа Федора Богдана. «Мне кажется,—говорит писатель,—точно я присутствовал в тот

день при незаметном просачивании струйки того наводнения, которое в наши дни унесло трон Романовых».

Рассказывая о своей борьбе за право, хотя и административно-ссылного, Короленко замечает: «и до самой старости меня проводила та же репутация опасного агитатора и революционера, хотя я всю жизнь только и делал, что взывал к законности и праву для всех, указывая наиболее яркие случаи его нарушения. И, может-быть, это инстинктивное отращивание людей самодержавия было основательно: около этой оси наша жизнь могла еще повернуться и стать на другой путь. Но, в конце-концов, он все-таки должен был привести к упразднению самодержавия». Если понять это замечание Короленко в том смысле, что сама борьба за право, натываясь на препятствия, революционизировала передовые слои трудовой России и привела их на путь необходимого насильственного переворота,—тогда это верно.

Пребывание в вышневолоцкой полит. тюрьме, история юношей революционеров Попова и Швецова, любопытная фигура крестьянина Курицина, Пермь, путь в Якутскую область; портреты революционеров-народников, хотя и очень бегло набросанные; очень интересные мысли по поводу психологии Ипполита Мышкина—этой яркой фигуры процесса 193, — все проходит перед нами в мемуарах Короленко. И, как общий вывод, замечание писателя-гражданина: «какая это была в сущности невинная стадия русской революции».

Третий том дает ценный материал и для понимания переживаний писателя, и для историка революционного движения, и очень много для характеристики различных слоев рабочей и крестьянской России.

Ив. Кубиков.

рования—теперь сомнений быть не может. Перед нами большой и вполне расцветший художник, мастер с сочной кистью, с большим запасом наблюдений, колоритных и свежих. Небольшая книжка, лежащая перед нами, дает достаточный материал для такой оценки. Хотя она составлена из вещей, которые автор не сочтет лучшими образцами своего творчества. Все это эскизы, наброски, этюды к какой-то большой, быть-может, еще не написанной, картине, но каждый эскиз говорит о таланте, зорком глазе, внимательном слухе. Пильняку удастся природа; он знает лес, понимает зверя, лесные звуки, запахи—для него раскрытая книга—и все это сжато и экспрессивно умеет он не рассказать, а показать читателю,—его страницы в самом деле цветут, звучат, дышат ароматами. Он дал несколько зарисовок отдельных эпизодов эпохи революции, и в них показал себя прежде всего художником, для которого выразительность, выпуклость, убедительность, а следовательно, и правдивость того, что изображается, стоит на первом месте. Мимоходом бросил он рассказ из петровских времен и в рассказе запечатлел исторический колорит, тот воздух и свет эпохи, без ощущения которых не может быть искусства.

Встречаются и промахи, но они пустячны, и заниматься ими не хочется. Отдельные мелкие произведения говорят о том, что Пильняк, как художник, не прошел мимо революции. Будем ждать новых вещей нашего автора. Революция еще не нашла своего достойного отражения в русской художественной прозе, за малыми исключениями. И автор этих строк несколько не будет удивлен, если впоследствии, в ряду живописцев революции, одним из первых он встретит имя Бориса Пильняка.

В. Полонский.

БОРИС ПИЛЬНЯК. Рассказы. Москва. Кооп. Изд-ское Т-во «Звенья» 1919. Стр. 114.

Борис Пильняк—не новичок в литературе. Его имя мелькало, не часто, впрочем, лет восемь назад. Впечатление от его опытов, помнится, было благоприятное. Но если тогда, при первых шагах писателя, можно было колебаться в оценке его да-

«ПЕРЕСВЕТ». Сборник 1-й. Борис Зайцев, Мих. Осоргин, Ф. Сологуб, Г. Чулков, М. Цветаева, Алекс. Яковлев. Кн-во Васильева. Москва, 1921. Стр. 115.

Книга открывается тремя стихотворениями Ф. Сологуба. Из них прекрасно первое по сочетанию красоты формы и сжатости мысли. Марина Цветаева пред-